

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Говорок

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Говорок

«Public Domain»

1889

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Говорок / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1889

«Что может быть лучше светлого озера, когда оно летним утром все из края в край курится радужным туманом? В глубине синей стеной поднимаются горы, за которыми спрятались Чудские заводы – старый и новый; направо зеленой каймой подошли камыши и заливные луга, а налево шелковой скатертью уходит из глаз башкирская степь. На выдающемся в озеро мысу мохнатой шапкой стоит сосновый бор, а за лугами зелеными пятнами рассажились березняки. На откосе, где песчаный берег уходит в воду, как осиное гнездо, присела к земле своей сотней избушек деревня Кучки. Летом даже эта деревня красива, точно она сушится на своем откосе, а последние избушки совсем подошли к воде и смотрятся в озеро, как в зеркало...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Говорок

I

Что может быть лучше светлого озера, когда оно летним утром все из края в край курится радужным туманом? В глубине синей стеной поднимаются горы, за которыми спрятались Чудские заводы – старый и новый; направо зеленой каймой подошли камыши и заливные луга, а налево шелковой скатертью уходит из глаз башкирская степь. На выдающемся в озеро мысу мохнатой шапкой стоит сосновый бор, а за лугами зелеными пятнами рассажались березняки. На откосе, где песчаный берег уходит в воду, как осиное гнездо, присела к земле своей сотней избушек деревня Кучки. Летом даже эта деревня красива, точно она сушится на своем откосе, а последние избушки совсем подошли к воде и смотрятся в озеро, как в зеркало.

Ранним утром, на самом берегу, из крайней избушки выходил сгорбленный, худенький мужик Матвей, сажился в бот и плыл осматривать выкинутые с вечера снасти. Нужно было перекосить все озеро, обогнуть боровой мыс и попасть в курью¹, где у Матвея из года в год ловилась рыба. С гор всегда дул ветер, и волна шла к деревне, а в курье всегда затишье и вода точно застыла. Проплывая под мысом, Матвей останавливался у арендаторской избушки, где жил карауливший озеро сторож, и говорил:

– Ну, Ильич, за твоей рыбой поехал...

– А мне какая печаль сделалась?.. Твой грех, твой и ответ...

– Ладно, разговаривай да кланяйся арендателю.

– И то скажу: способу с вами нет. Где же мне одному с целой деревней управиться... Вот начальство выедет, так тогда поговорите.

– И поговорим.

– Мотри, Матвей, не миновать тебе острогу...

– А кто в остроге-то сидит, может, лучше нас с тобой.

Кривой Ильич обыкновенно уходил в свою избушку, а Матвей плыл дальше. «На-ка, арендатель тоже выискался на озеро! – ворчал он, стоя в боту на ногах и ловко загребая воду одноперым веселком. – Этак и житья не будет: земля господская, вода арендательев...» Матвей промышлял на озере уже тридцать лет, а тут вдруг его озеро в аренду сдали. Еще надо спросить, чье оно, озеро-то. У арендатора, конечно, денег много, да всего деньгами тоже не купишь. И вся-то штука в том, что помещику покориться неохота, – вот и сдал озеро.

– Нет, брат, постой... – вслух говорил Матвей, вынимая из воды разную снасть и выбирая запутавшуюся в ней рыбу. – И земля твоя, и озеро твое – нет, погоди. Жирно будет... Еще покойник родитель на озере-то рыбачил, а тут здорово живешь. Нет, ты еще обожди маненько!..

В Матвее много было задорной энергии, выливавшейся в вечных спорах и пререканиях то с соседями, то со старостой, а то просто со своей собственной бабой Авдотьей. Особенно доставалось от него волостным. Староста Маркел иначе не называл Матвея, как язвой: «Ишь, наша-то язва зудит». Сборщики податей боялись его, как огня, потому что уж Матюшка подыщется к чему-нибудь, а потом не развяжешься. Когда поверяли волостные суммы и усчитывали старшину, Матвей был впереди всех и, жертвуя собственной работой, «достигал» каждую неустойку. Неугомонный мужичонка, одним словом, сидевший в Кучках, как заноза. Даже выбрать его старшиной или старостой было невозможно: первое – бедный человек, второе – дело у него такое, что оторваться нельзя, а третье – не уладит с начальством. В сельское началь-

¹ Курья – заводь, речной залив.

ство обыкновенно верстают тех, кто в силе и может постоять за себя, или же в наказание – пусть отдувается перед начальством за все общество, а Матвей не подходил ни под какую линию.

– Матюшка у нас, как кривое полено, – говорил старшина Судыгин, – никак ты его не укладешь.

– Ты у меня учишь жить-то, Пал Андроныч, – отвечал Матвей, встряхивая головой. – Ума у меня против всего опчества много – вот главная причина. Все я могу смозговать... да...

Однообщественники в шутку называли его «козьими рогами», которые, по пословице, ни из короба, ни в короб. Матвей Козьи-Рога сделалось уличным прозвищем. Под этой кличкой знала его вся волость, а дома донимала жена:

– Ну, заскулили Козьи-Рога...

Соседки давались диву, как это Авдотья живет с таким мужем: ведь он поедом ест бабу – и стала не там, и пошла не этак, и у других-то все не по-нашему.

– А вот он уплывет в курью, так я быдто и передохну без него... – говорила в свое оправдание безответная баба Авдотья. – Ежели бы да он все дома-то сидел – помереть!..

– Что уж и говорить, бабонька: трясухая осина, а не мужик.

Выслушивая эти жалостливые соседские речи, баба Авдотья однажды ответила:

– Да ведь он, Матвей-то, добрый... Так он кажется только, что все скулит. Я ведь его не больно слушаю...

Вся улица хохотала над Авдотьей: вот так нашла добряка! То-то глупая баба! Матвей такую и подобрал себе, чтобы можно было походя ее долбить, – дерево смолевое, а не баба. Конечно, надо и то сказать, что не пьянчуга он и не озорник – это правда, но все-таки душеньку вымотает одними своими наговорами. А баба Авдотья жила да жила, поглощенная своей бесконечной бабьей работой – и дома, и в поле надо поспеть, и огород и скотину доглядеть, а тут еще что ни год, то ребята. На что эти ребята и родятся, когда в доме непокрытая бедность? Рожали бы одни богатые бабы, им есть кем заместиться, а на бедную бабу – чистая напасть с ребятами. Теперь бы вот и с рыбой этой: отстать бы Матвею от озера, а он тягается с арендатором. Конечно, Ахметов – богатеющий человек и затаскает по судам, а Матвей все ему наперекор. Когда помещик сдал Светлое в аренду, другие рыбаки мало-помалу и поотстали, потому где же тягаться с Ахметовым: сегодня кривой Ильич протокол с урядником составит, завтра к мировому, послезавтра на высидку – тут и рыбе не рад будешь.

Раз летним утром, когда Авдотья, изнемогая от натуги, стирала разное тряпье прямо в озере, с другого конца улицы подошла кучка мужиков. Впереди всех шел Судыгин, плечистый и высокий мужик в красной рубахе, за ним рыжий Маркел и несколько стариков. Когда Авдотья увидела мужиков, у нее сердце так и екнуло от страха перед какой-то неизвестной бедой. Баба была на «тех порах» и едва разогнулась, чтоб поздороваться с мужиками.

– Авдотья, где у тебя Козьи-то Рога? – спрашивал Судыгин ласковым голосом, – богатырь любил баб и теперь с сожалением посмотрел на выпиравший живот Авдотьи.

– А куда ему деться: в избе, поди, валяется... Ночью только с рыбалки воротился, Пал Андроныч, – ответила Авдотья, немея от страха.

– А ты опять, Авдотьюшка... – еще ласковее сказал Маркел и покачал головой. – Ишь ведь как тебя обмотало всю.

Высыпавшие из избы ребяташки обступили мать и со страхом глядели на переминавшихся мужиков.

– Эй, Матвей, где ты схоронился? – кричал Маркел, подходя к покривившемуся оконцу. – Выходи-ка, милаш, дело до тебя есть...

В окне показалась голова Матвея и недоверчиво поглядела на обступивших завалинку мужиков. Солнце так и светило во все глаза, а от озера наносило кружившим голову паром. Мужики переминались, не зная, с чего начать. Неестественная ласковость голосов еще более

увеличила подозрительность Матвея, и он теперь смотрел в упор на рыжую, окладистую бороду Маркела.

– Насчет озера? – спросил Матвей, стараясь проникнуть в тайный замысел подступившего начальства. – От Ахметова?

Мужики недоверчиво оглянулись на Авдотью: она была лишняя и точно мешала всем своим вздутым животом.

– Входите в избу, – пригласил Матвей, желая сохранить свое достоинство главы дома. – Чего на солнце-то торчать?

Мужики один за другим вошли в избу, стараясь не смотреть на Авдотью, которая провожала их испуганными глазами. Сознавая свое бабье положение, она пересилила себя, и валеком громко захлопал по мокрым тряпицам, отдаваясь на озере гулким эхом, точно хлопала по воде крылатая какая-то деревянная птица. О чем будут мужики говорить с Матвеем? Зачем Судыгин и Маркел так ласково разговаривали с ней, Авдотьей? У бедной бабы кружилась голова, и она еще сильнее колотила свое тряпье, точно хотела выбить из него всю свою бедность. Оборванные и чумазые ребятишки окружили ее, как спугнутый охотником выводок, и тоже пугливо озирались на избушку. Самый младший даже попробовал было зареветь, но мать пригрозила ему вальком.

А в избе в это время происходила такая сцена.

– Мы к тебе от опчества, Матвей, – заговорил Маркел, степенно разглаживая бороду. – Значит, послужи миру... Допрежь тебя не просили, а теперь невозможно. Прижимка идет большая от Миловзорова...

– Ну?..

– Так уж ты тово... Опять начальство наедет, учнут деревню драть, так вот старички на сходке и порешили: Матвей у нас за словом в карман не полезет – ему и быть в первой голове.

– А ежели я не хочу? – окрысился Матвей.

– А ежели невозможно? – ответил вопросом Судыгин. – Разве ты один в деревне? Всем не сладко приходится. Раньше Ипат выхаживал, а теперь твой черед... Главная причина: невозможно.

Наступила неловкая пауза. Кто-то широко вздохнул. Судыгин машинально оглядывал голые, закоптелые стены избушки, покосившуюся печь, полати – бедность так и глядела из каждой щели, та жуткая бедность, которую во всем объеме в состоянии оценить только опытный глаз.

– Вот избенку надо выправить... – вслух проговорил Маркел невольную мысль Судыгина. – Как же!.. На то и мир.

– А это как? – спрашивал Матвей, указывая в окно на свою бабу с ребятами.

– Опять же мир есть...

Этим вопросом Матвей себя погубил: в нем уже слышалась готовность послужить миру. Он испугался не своей смелости, а поспешности. Как же это так вдруг? Ночью только вернулся человек с рыбалки, в курье на тычках еще сушатся мережи, а тут за здорово живешь... Матвей вдруг почувствовал себя оторванным от своей избушки, точно он уже не Козьи-Рога, а кто-то другой, и этот другой идет на верную погибель. Страшная жалость вдруг охватила сердце Матвея, и он опять глянул в окно на свою бабу, колотившую вальком, и на столпившихся около нее ребятишек.

– Главная причина – никак невозможно... – подхватил Судыгин, стараясь прогнать напавшее на Матвея сомнение.

– Невозможно? – переспросил тот машинально.

– Мир послал... Я бы и сам, да язык-то у меня, как лопата, – поддерживал Судыгин с фальшивой ласковостью. – Разговору во мне нет настоящего.

Этого было достаточно. Главное объявлено, и все загалдели разом. То, что говорилось раньше между строк, теперь пошло напрямки. Старики размахивали руками и не давали говорить друг другу. Маркел вытирал катившийся по широкому лицу пот. Один Матвей сидел на лавке, свесив голову, как приговоренный. В его мозгу стояла одна мысль: «невозможно».

– Съест нас Миловзоров, – повторял Маркел основную мысль. – Теперь вот наше озеро сдал, а там и до земли доберется... Так я говорю?.. Начальство наедет... Опять будут оконницы выставлять, крыши сымать со дворов, печки разворачивать, а наше дело правое. Отцы еще здесь жили, и потом правильный у нас ак... Покойник Ипат и скопию выправил с его, с ака-то. Так я говорю?

Авдотья все колотила вальком, когда мужики один за другим начали выходить из избы. Они шли в том же порядке, как и входили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.